

Жан-Марк Барр. О цене свободы

Мишель БАЙЕН

Актер Жан-Марк Барр ("Рассекая волны", "Голубая бездна") все увереннее сворачивает на режиссерскую стезю. Сейчас Барр в компании Азии Ардженто снимается в фильме "Красная русалка" (La sirène rouge) Оливье Мегатона по роману Мориса Г. Дантека. Но недавно на французские экраны вышел его фильм "Слишком много плоти" (Too Much Flesh), который, по задумке Барра, станет второй частью его трилогии о любви и свободе.

Фильм снят цифровой видеокамерой, но перенесен на пленку 35-миллиметрового формата. Он подчиняется всем правилам манифеста "Догмы": рассказ о любви живущего в американском захолустье мужчины к хорошенькой француженке снят без искусственного освещения, постсинхронизации диалогов и закадровой музыки. Временами фильм производит впечатление "домашнего кино" с элементами порнографии. Временами он кажется экранизацией неизвестной пьесы Теннесси Уильямса. Но в любом случае это интересная работа, доказывающая, что у Барра свой путь в кино.

Он не боится отвечать на каверзные вопросы. Ведь его фильм и создавался для того, чтобы эти вопросы были подняты.

— Вам не кажется, что фильм стал квинтэссенцией нарциссизма?

— Да, действительно, многим фильм показался нарциссическим. В "Variety" его разнесли в пух и прах. "Variety" стала сегодня, как газета "Правда". Они написали, что этот фильм — плод моего тщеславия и грязная порнуха.

— Вы с этим не согласны? Ведь вы выступаете в нем как соавтор сценария, режиссер и исполнитель главной роли; вы постоянно снимаете самого себя, чаще всего в обнаженном виде, про вашего героя все время говорят, что у него очень большой пенис.

— Но при этом мы ни разу его не показываем! (Смех). Здесь мне было бы трудно слиться с персонажем!

— Вас не смущало обилие обнаженки?

— У меня нет никаких проблем с обнаженной натурой. Больше всего мне было интересно дерзнуть. Мне хотелось понять, как далеко я посмею зайти. Оказалось, что все получается даже лучше, чем я думал. Мне уже 40 лет, а я пока в неплохой форме.

— Вы можете сформулировать идею фильма в одной фразе?

— Могу даже в одном слове: удовольствие. Плотское удовольствие без какого-либо давления с чьей-либо стороны. Думаю, людей больше всего смущало то, что камера становится третьим участником акта:

она скользит по телам любовников и открывает это удовольствие созерцания.

— Почему вы решили снимать в США?

— После "Любовников", которых мы снимали на улицах Парижа, мне захотелось попробовать обрести такую же свободу у себя дома в США. Мы поехали в город Рэнкин на Среднем Западе, туда, где родился мой отец, туда, где я проводил свои летние каникулы. Кстати, кое-кто из моих двоюродных братьев снимался в моем фильме. Это Богом забытое место, жуткая глухомань. Никто не верил, что мы будем там снимать. Как только стал известен сюжет нашего фильма, многие отказались с нами общаться, перестали с нами разговаривать. После этого мы сроднились с героями этой истории.

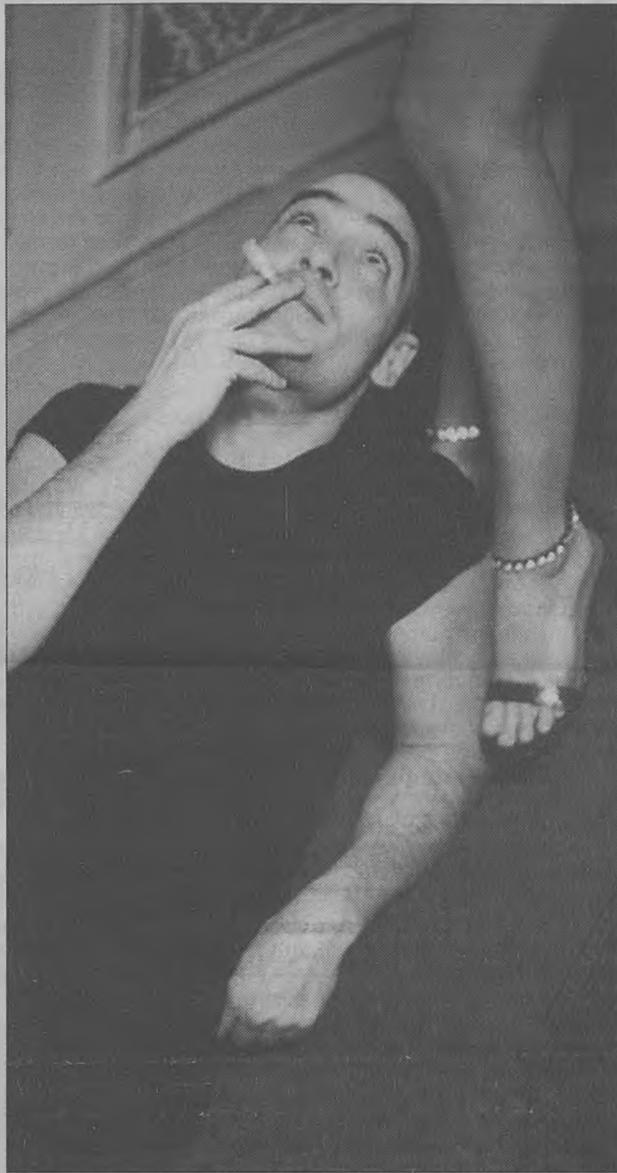
— "Слишком много плоти" — второй фильм трилогии, начатой "Любовниками".

— ... а третьим станет фильм "Быть легким" (Being Light), мы его уже сняли и сейчас заканчиваем монтировать. Это трилогия о том, какова цена свободы в обществе, которое принято называть демократическим. Чего стоит свобода любить того, кто тебе нравится? В случае с "Любовниками" — любить человека без документов. В случае с фильмом "Слишком много плоти" — свобода плотских удовольствий в пуританском, лицемерном обществе. И свобода духа в стандартизированном обществе — в фильме "Быть легким".

— Все три фильма сняты цифровой видеокамерой в традиции "Догмы", основанной фон Триером и Винтербергом. Это диктовалось художественными или финансовыми соображениями?

— Одно дополняет другое. Новые цифровые технологии открывают столько новых возможностей, что я до сих пор не могу поверить в их реальность. Не нужно больших бюджетных ассигнований, крупной съемочной группы. Достаточно написать сценарий, собрать небольшую компанию единомышленников, пригласить актеров — и вперед! Все возможно, все разрешено. Мы снимали "Быть легким" в Индии, нам не требовалось никаких разрешений, никакой помощи от официальных властей. Идеальная творческая ситуация! Не нужно думать о материальной стороне дела, можно полностью сосредоточиться на искусстве. Я понял, что сегодня у режиссеров наконец-то появился шанс спасения от коммерческой системы, от кинорынка.

— Опишите обычный день на съемках.

— На площадке — шесть-семь человек техперсонала. Потрясающая мобильность, все идеально друг друга понимают. Не получилось — все вместе думаем, что нужно изменить. Сегодня в традиционном кинопроизводстве практически отсутствует такая слаженность в работе. И я не сомневаюсь, что эта человечность отношений за камерой оказывает сильное влияние на человечность перед камерой.

— А вам не кажется, что такой метод работы возвращает нас в эпоху, когда кино только начинало свой путь?

— Да, у нас с Паскалем Арнольдом, моим соавтором, возникало чувство, будто мы оказались в начале XX века, когда Мак-Сеннет снимал свои комедии и в каждой сцене открывал и изобретал новые киноприемы. Или, по крайней мере, в эпоху "новой волны", когда благодаря новым кинокамерам режиссеры смогли выйти на улицы и снимать при естественном освещении.

— Значит, "Догма" — это "Новая волна" рубежа веков?

— Я не хочу вести с вами теоретические дискуссии, я не готов к ним. Я только хочу подчеркнуть, что сегодня у режиссеров есть реальная возможность

выйти за рамки системы. Это очень важно, потому что сегодня снять фильм в системе обычного кинопроизводства — все равно что столкнуться с места гору. А я снял три фильма на общем бюджете 18 миллионов франков, то есть намного дешевле одного французского фильма, снятого в рамках системы. И благодаря продаже прав проката на зарубежные регионы эти фильмы уже окупались.

— Как вы пришли к идее снять свою трилогию?

— Я посмотрел фильмы "Идиоты" и "Торжество". Мне впервые стало ясно, какие новые перспективы открылись нам с появлением цифровых технологий. Я понял, что смогу удовлетворить свои творческие порывы, мои художественные идеи, хотя актеру такая возможность выпадает не всегда. Вскоре я уже снимал свои фильмы и чувствовал, что из кинораба превратился в "мистера кино".

— Вы все время сотрудничаете с Паскалем Арнольдом. Как вы познакомились?

— Он работал на киностудии CIBU 2000 сценарным доктором. Мы вместе работали над многими фильмами: "Прекрасная беглянка" (L'échappée belle), "Неверные" (Les infidèles), "Без ума от нее"

(Folle d'elle). У нас одинаковые вкусы, одни и те же интересы. Поэтому мы решили и дальше работать вместе. Мы написали сценарий, действие которого происходило во Вьетнаме. Потом, когда появилась "Догма", мы с головой нырнули в новое приключение. Работая над этой трилогией, мы вместе писали сценарии, а снимали по очереди. Мы прекрасно дополняем друг друга, что, однако, не мешает нам скандалить во время съемок. Именно на съемочной площадке выясняется, что между нами есть различия (смех). Но в конечном итоге это идет на пользу делу.

— В фильме "Слишком много плоти" вы снова взяли на главную женскую роль Элоди Буше.

— Она — муза этой трилогии. Она очень красива и актриса восхитительная. Меня огорчил ее фильм "Я бы не хотел подохнуть в воскресенье". Это история не-любви. Я хотел снова обрести Элоди в любовной истории. Мне очень нравится ее путь в кино. Ее инстинкт свободы. Ее независимость. Ее нежелание играть в игры других людей. Она сумела избежать системы. Как и Ромэн Дюри, с которым я работал на фильме "Быть легким". Мы с Паскалем решили снимать наши фильмы в 1998 году и разговаривали с Элоди как раз в то время, когда она только что получила премию в Канне за лучшую женскую роль, и у нее не было отбоя от приглашений сниматься. Мы поговорили с ней, и она сразу же согласилась. По сути она легитимизировала наше приключение.

— В фильме "Слишком много плоти" вы также снимались с вашей давней партнершей по "Голубой бездне" Розанной Аркетт.

— О, ей со мной не везет. В "Голубой бездне" я предпочел ей дельфинов, а здесь мы живем вместе, но не занимаемся любовью! (Смех). Когда Розанна посмотрела "Любовников", она сказала мне, что хотела бы работать с нами. Разумеется, мы не могли организовать для нее тех условий, какие предлагает Голливуд. Но я знаю, что многих американских актеров привлекают такие художественные опыты. Недавно я разговаривал с Билли Зейном — он тоже собирается к нам присоединиться. Эти актеры изголодались по настоящей работе, их больше не удовлетворяет то, что предлагает им Голливуд.

— Вы не любите Голливуд?

— Что, заметно? (Смех). Я считаю, что нынешняя ситуация в Голливуде ужасна. Там больше не говорят ни о чем, кроме денег, рынка, рентабельности, прибыли. США становятся очень опасной страной. С этим нужно бороться. И мы будем бороться.